Б. В. ТЕХОВ

КОБАНО-ТЛИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

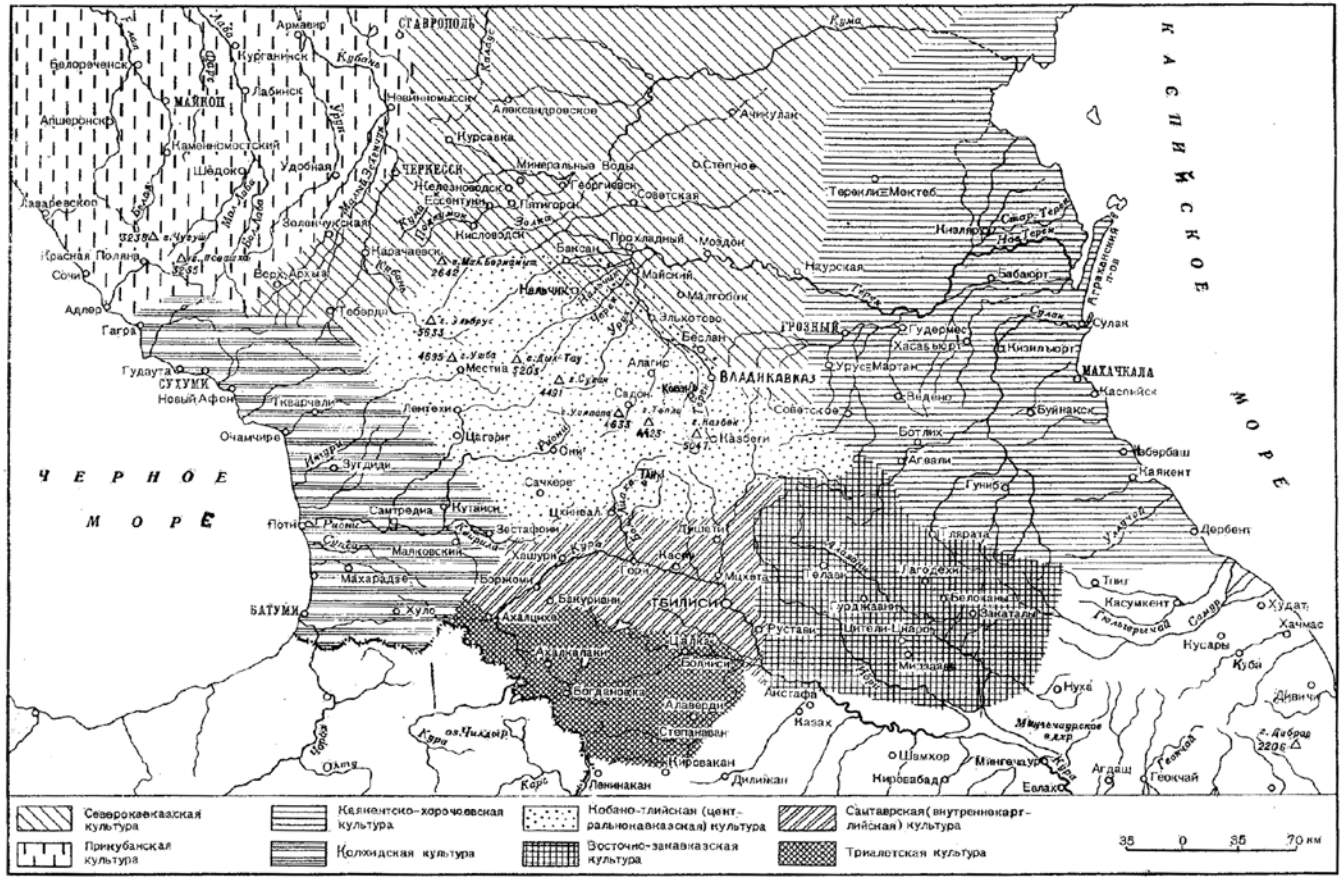
Эпоха поздней бронзы определяется второй половиной II тыс. до н. э., когда начинается новая ступень, более богатая успехами производства, чем все предыдущие, вместе взятые. Она являет собой самый интересный и самый важный отрезок человеческой истории, определяемый как период военной демократии и создания основ для образования первых классовых обществ и рабовладельческих государств, время возникновения патриархального рабства.

Конец второй половины II тыс. до н. э. ознаменовался производственным освоением нового сырья – железа, сыгравшего значительную роль в хозяйственной деятельности племен всего Кавказа, в том числе и Осетии.

Следующим важнейшим фактором эпохи явился процесс выделения металлургов из скотоводческих племен, обусловивший рост материальных благ общества, резкое увеличение средств существования, что способствовало дальнейшей дифференциации общества, образованию привилегированной верхушки.

С появлением металлургии железа заметно усовершенствовались методы производства как средств и орудий труда, так и продуктов питания. Этот производственный процесс закономерно привел к периоду, во время которого культурные народы переживают свою историческую эпоху – эпоху железного меча и, конечно же, железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории человечества.

Археологические материалы, представленные отдельными кладами, случайными находками и выявленными в разные годы погребальными комплексами, показывают, что в эту эпоху на Кавказе сформировались археологические культуры, которые были связаны не только между собой, но и с более отдаленными регионами Азии и Европы. На Северном



Территория этнокультурной общности Центрального Кавказа в окружении археологических культур Северного Кавказа и Закавказья.

Кавказе основными археологическими культурами были каякентско-хорочоевская, прикубанская и кобано-тлийская. Последняя формировалась на территории центральной части Большого Кавказа – на обоих склонах Главного Кавказского хребта (см. карту).

Главными памятниками, по материалам которых можно характеризовать основные черты материальной и духовной культуры проживавших в ту древнюю эпоху в Центральной части Кавказа племен, являются Кобанский могильник на северном и Тлийский – на южном склоне Большого Кавказа.

В 70-х гг. XIX в. внимание русских и иностранных археологов привлекли богатые погребения эпохи поздней бронзы-раннего железа, выявленные в с. Верхний Кобан Северной Осетии на приусадебном участке тагаурского алдара Хабоша Канукова. Среди найденных в этих захоронениях материалах оказались бронзовые топоры – один из наиболее ярких компонентов высокоразвитой культуры местных племен, получившей название кобанской и приобретшей впоследствии широкую известность в мировой археологии. Время существования кобанской культуры – XIV–IV вв. до н. э., хотя отдельные ее элементы сложились в более ранний период. Памятники этой культуры до недавних пор были известны в виде могильных комплексов (каменные ящики, грунтовые захоронения, курганы) и охватывали незначительную территорию. Многолетние раскопки, проведенные нами в сел. Тли, расположенном в ущелье р. Тлидон, впадающей в р. Большая Лиахва (южный склон Большого Кавказа), а также другие открытия археологов-кавказоведов еще больше расширили ареал археологической культуры, представленной могильниками и поселениями, занимающими обширный регион на северном и южном склонах Главного Кавказского хребта. На Северном Кавказе ареал этой археологической общности включает территории Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечни, Ингушетии, Пятигорья (от верховьев Кубани на западе до р. Аргун на востоке). На южном же склоне Большого Кавказа охватывает горную и предгорную зоны от Эльбруса до Казбека[1].

Материальная культура: основные формы. Историю материальной культуры древнего населения Осетии в рассматриваемое время можно расчленить на четыре последовательных этапа: 1. XIV–XIII вв. до н. э.; 2. XII–X вв. до н. э.; 3. IX–VIII вв. до н. э. и 4. VII–IV вв. до н. э.[2].

Первый период – время активного развития местной бронзовой металлургии, истоки которой уходят в предшествующие эпохи. Создатели указанной историко-культурной общности в это время достигли вершины во всех сферах хозяйственной и культурной деятельности. Найденные археологами многочисленные бронзовые предметы вооружения, домаш-

ней утвари позволяют составить представление о прикладном искусстве населения региона того времени, о его уникальных стилистических особенностях.

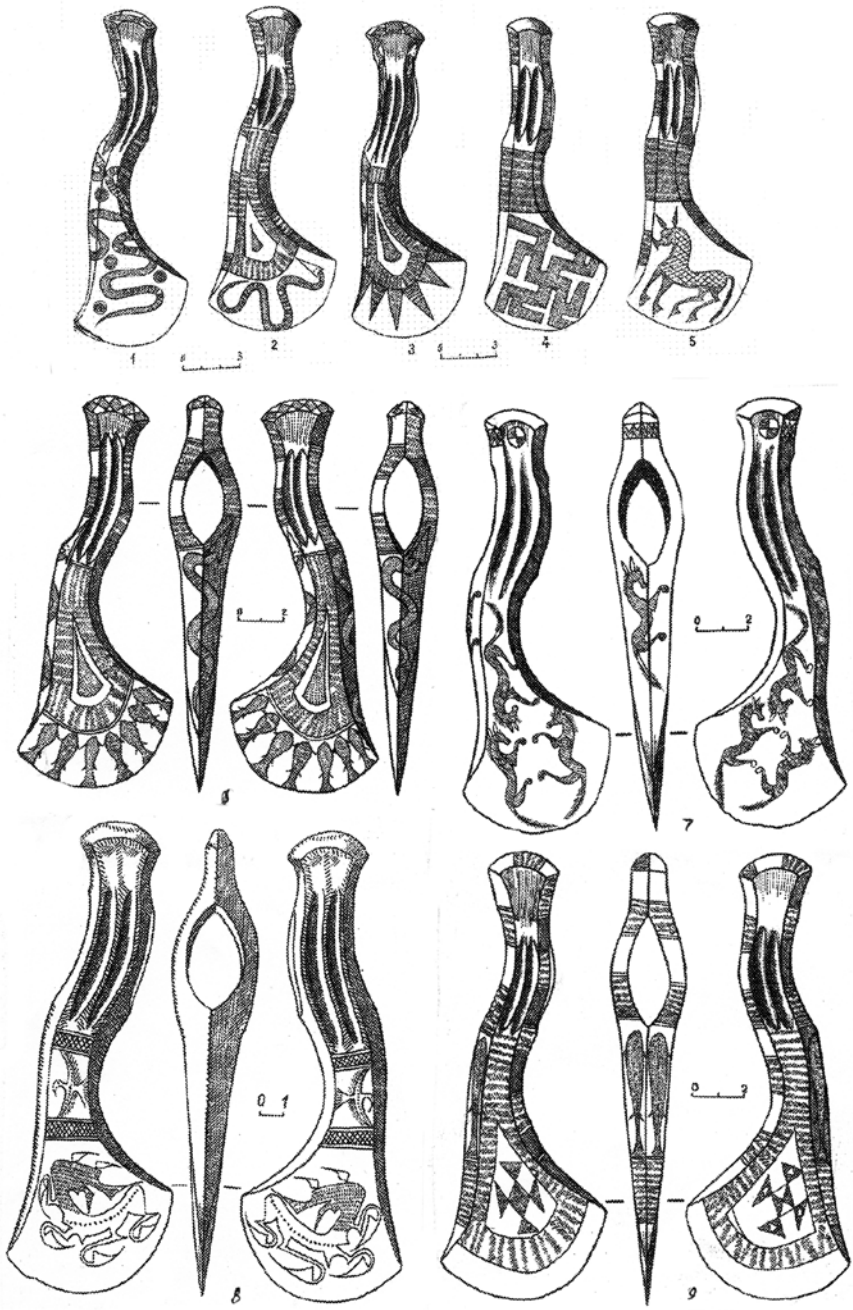
Реконструкция мужского и женского костюмов эпохи поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа по материалам тлийских погребений.

В течение веков горные районы обоих склонов Центрального Кавказа были заняты племенами, создавшими центрально-кавказскую этнокультурную общность, которая начала формироваться с середины II тыс. до н. э. и к X в. до н. э. достигла апогея в своем развитии, став одной из ярких историко-археологических общностей Кавказа в древности[3].

Материалы эпохи поздней бронзы и раннего железа (и в первую очередь – Кобанского и Тлийского могильников) выявляют удивительное сходство, однотипность погребальных сооружений, обряда захоронения, предметов вооружения, быта, графического искусства, малообъемной пластики и т. д. Все это дает нам возможность относить их к одной археологической культуре.

В 1966 году с трибуны высокопредставительного народного форума по этногенезу осетин один из докладчиков – Е. И. Крупнов (известный специалист по археологии Кавказа вообще, Центрального в особенности) заявил, что «систематически исследуемый Б. В. Теховым «Тлийский могильник в Юго-Осетии богатством и великолепием своей бронзы скоро затмит, если уже не затмил, знаменитые кобанские могильники Северной Осетии»[4]. Исследование Тлийского могильника продолжилось нами до 1988 года. В результате раскопок был выявлен богатейший материал, приобретший мировое значение, намного расширивший наши знания о блестящей бронзовой культуре центральной части Большого Кавказа, о культуре горских племен, об их изобразительном искусстве и своеобразном зверином стиле, истоки которого обнаруживаются в материалах предшествующего времени. Это заставило нас продвинуть ареалы данной культуры далеко на южные склоны Главного Кавказского хребта вообще и Республики Южная Осетия в частности, где, помимо Тлийского могильника, выявлено достаточно большое количество памятников, относящихся к одной с Кобанским и Тлийским могильниками культурной общности. Поэтому эту археологическую культуру мы называем кобано-тлийской. Думается, что таким образом еще более повышается научная ценность материалов Кобанского могильника, и по богатейшим комплексным находкам Тли будут решены вопросы, которые нельзя было решить материалами одного только Кобанского могильника, получившего свое название не только по населенному пункту, но и по тем бронзовым топорам, которые тогда на Кавказе не были известны.

Замечательны бронзовые топоры с дважды изогнутыми и прямыми корпусами, украшенные геометрическими узорами, а также изображениями животных (олень, лошадь, собака), рыб и извивающихся змей. Иногда на изделии представлено сразу несколько сюжетных сцен. Некоторые экземпляры украшены изображениями небесных светил. Особенно часто встречается узор, состоящий из усложненной свастики, а также изображений фигур фантастических животных. Попадаются также топоры с клиновидным обухом и полукруглым лезвием, орнаментированные сравнительно бедно[5]. Значительную группу составляют цельнолитые кинжалы и кинжалы с составными ручками. Многие из них украшены



Бронзовые топоры кобано-тлийской культуры из тлийских погребений.

гравировкой и скульптурными фигурками домашних и диких животных. Наиболее богатым декором выделяются пояса и поясные пряжки, характерные для памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа как южного, так и северного склонов Главного Кавказского хребта. В их орнаментике преобладают геометрические узоры, а также изображения лошади, собаки и оленя[6]. В VI–IV вв. до н. э. появляются ажурные пряжки с бараньими головками или передними частями животных, объединенных в единое целое.

Бронзовый инвентарь культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа представлен разнообразными булавками, браслетами, фибулами (застежки одежды), наконечниками копий и стрел, очковидными подвесками, навершиями булав, височными кольцами, бусами, пинцетами, наконец, бронзовой, кованной из листовой бронзы посудой (особо следует упомянуть миски и большие сосуды с ручками – ситулы)[7]. Керамика в могильниках немногочисленна. Наиболее насыщен ею культурный слой поселения, исследованного в 1953–1957 гг. у станицы Змейской и селения Эльхотово Северной Осетии. Судя по этим материалам, сосуды были разнообразными по назначению и украшались нарезным орнаментом, каннелюрами и налепами. Змейское поселение X–VIII вв. до н. э. – первый научно исследованный поселок, давший ценные материалы о хозяйстве, быте, идеологии его обитателей[8]. Впоследствии эти материалы были пополнены раскопками Сержень-Юртовского поселения, исследованного в Чечне.

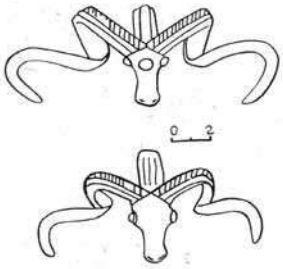
Сержень-Юртовское поселение X–V вв. до н. э. имело поквартальное размещение жилых и хозяйственных сооружений, разделенных узкими, вымощенными булыжником улицами. Дома там были наземные турлучные, крыши – камышовые, полы – глинобитные. В домах – открытые очаги в виде неглубоких ямок, рядом – хозяйственные ямы для хранения припасов. Одно из помещений служило святилищем для отправления языческих культов. Поселение было укреплено рвом, остатки которого сохранились на одном из холмов[9].

Интересный материал выявлен при исследовании Зарамагского поселения конца II - начала I тыс. до н. э. Он расположен на зарамагском мысе и занимает небольшую территорию. Материал представлен большим количеством керамики, остеологических остатков (хозяйственных выбросов), кусками глиняных обмазок, каменными терками и оселками[10]. Особо следует отметить богатые материалы, выявленные в результате широкомасштабных археологических раскопок на территории водохранилища Зарамагской ГЭС, которые были произведены во время благоустройства ее. Сейчас они находятся в камеральной обработке и, будем надеяться, скоро увидят свет.

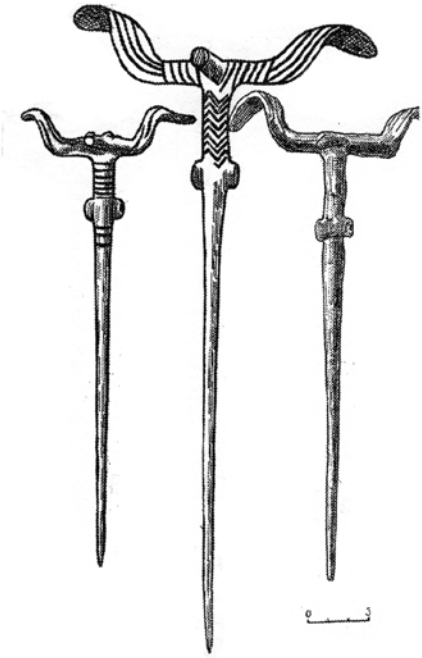
Бронзовые кинжалы и привеска в виде собаки из Кобанского могильника.

Бронзовые изделия из Кобанского могильника: кинжал с рукоятью, украшенный по краям головками хищника, в открытой пасти которого – статуэтки баранов; фигурки лошади; булавы с выступами, украшенными кружочками.

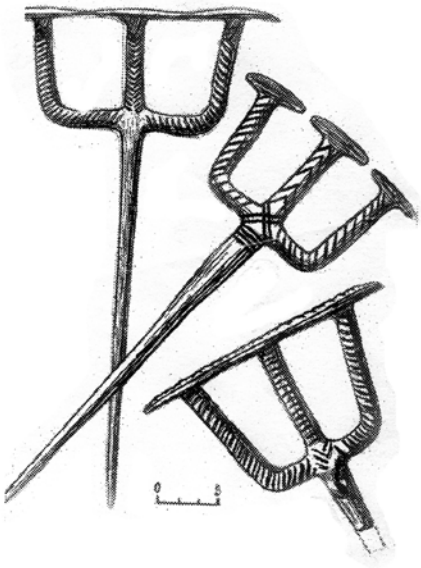
Бронзовый кинжал с рукоятью, украшенной бараньими головками, из Кобанского могильника.



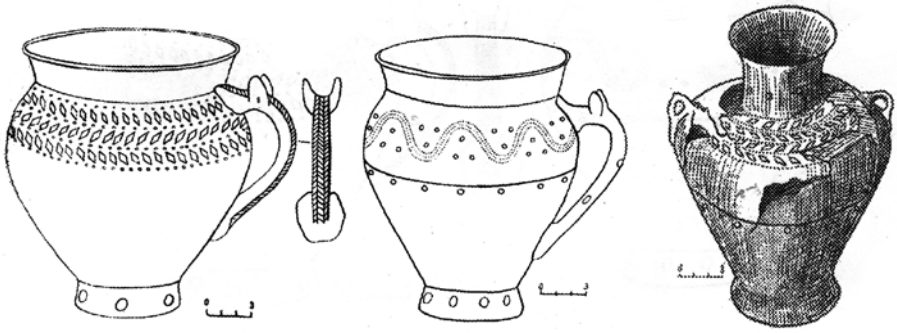
Бронзовые привески в виде бараньих головок из Тлийского могильника.



Бронзовые булавки с навершиями в виде бычьих голов из Тлийского могильнка (XIV–XIII вв. до н. э.).



Бронзовые вилообразные булавки из Тлийского могильника (XIV–XIII вв. до н. э.).



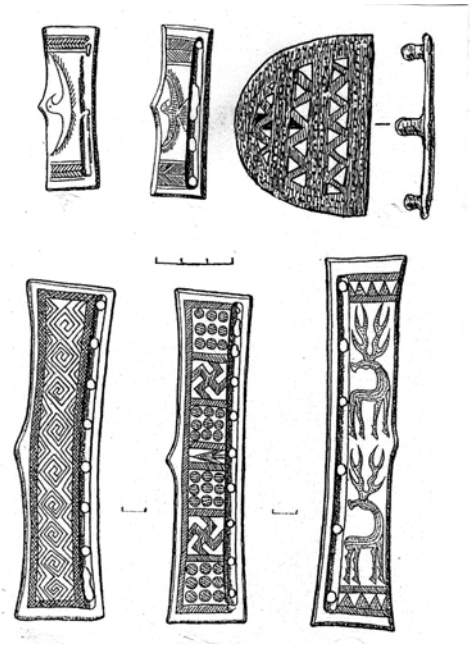
Бронзовые кружки с зооморфными ручками и ваза из тлийских погребений.

Оценивая яркую и оригинальную материальную культуру центральнокавказских племен эпохи поздней бронзы и раннего железа, можно сказать, что по своему уровню она не уступала прославленной гальштатской культуре Центральной Европы, существовавшей одновременно с центральнокавказской[11]. Последняя всегда представлялась одним из самых замечательных явлений в области древней истории не только Кавказа, но и всего бывшего Советского Союза. Как указывает Е. И. Крупнов, изучение форм этой древней и яркой цивилизации позволит выявить глубокие истоки живой и самобытной культуры современных народов Центрального Кавказа и тем помочь написать их историю, что, как известно, является конечной целью работы каждого историка-археолога[12].

Прикладное искусство. Исключительно интересно и высокохудожественно центральнокавказское прикладное искусство[13]. В конце II - начале I тыс. до н. э. оно достигает расцвета. Отдельные традиции его сохранились почти до нашего времени. В кобано-тлийском графическом искусстве наблюдается стремление к реалистическому изображению фигур животных. Мастера-граверы не любили оставлять свободное от декора пространство, и поэтому многие бронзовые изделия перегружены орнаментацией[14]. Помимо бронзовых топоров, булав, пряжек, фибул, колец, орнамент наносился и на посуду; с особым умением и вкусом гравировались пояса из листовой бронзы. На них переданы не лишенные мифологического содержания сюжетно-композиционные охотничьи и бытовые сцены, изображения животных, птиц, солярные знаки.

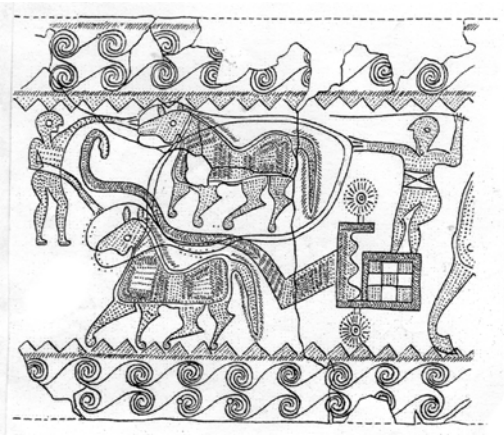
На одном из тлийских поясов среди фигур животных и лучников имеется изображение всадника, на уздечке которого висит голова побежденного врага. Аналогичное изображение есть также на фрагменте пояса из Кобанского могильника. Отмеченная деталь заставляет вспомнить скифский обычай подвешивания скальпа побежденного врага к уздечке коня. Эти рисунки на поясах могут свидетельствовать о том, что в горах Центрального Кавказа в начале I тыс. до н. э. жили племена, отдельные обряды которых напоминали скифские обычаи более позднего времени, переплетенные с таковыми же «нартовского общества» осетин[15].

На бронзовых предметах позднебронзовой культуры Осетии встречаются изображения «бегущей» спирали, звездочек и т. д. На одном поясе из Тлийского могильника имеются изображения семиконечных звезд. На концах треугольных лучей – по два кружочка из мелких точек, в них – изображение семи небес. Один из кобанских бронзовых топоров украшен изображениями семи змей и лучника, среди тлийских топоров также есть экземпляры с изображениями змей. Интересно, что число «семь» сохранило свое сакральное значение в быту осетин и в более позднее время.



Бронзовые поясные пряжки из Тлийского могильника.

Бронзовые поясные пряжки из Кобанского могильника.



Фрагмент пояса из листовой бронзы с изображением колесницы, запряженной двумя лошадьми, из тлийского погребения № 350.

Фрагмент пояса из листовой бронзы с изображением воина, к уздечке коня которого подвешена голова поверженного врага, из тлийского погребения № 76.

Прекрасные произведения графического искусства VI–V вв. до н. э. входят в состав так называемого Казбегского клада, найденного в 1877 г. в с. Казбеги, расположенном по трассе Военно-Грузинской дороги. Особенно великолепны произведения мелкообъемной скульптуры – фигурки животных и людей. В кобано-тлийском стиле выполнены динамичные изображения лошадей на поясе из погребения № 224 Тлийского могильника[16], лошадей, запряженных в колесницу, которая украшает пояс из тлийского погребения № 350[17]. Кобано-тлийское искусство XIV–IV вв. до н. э., созданное безымянными талантливыми художниками[18], оставило нам множество произведений, которые свидетельствуют о его расцвете на территории Осетии.

Внешние связи и этноплеменная структура. Еще в раннекобанское время племена, создавшие кобано-тлийскую археологическую культуру, имели контакты с населением Прикубанья, Северного Причерноморья и горного Крыма. Об этом свидетельствуют находки отдельных вещей центральнокавказской культуры в Прикубанье и в Крыму[19].

С середины II тыс. до н. э. с севера начинается миграция в предкавказские степи племен катакомбной культуры, носители которой могли вступать в контакты с племенами, создавшими высокую бронзовую культуру и имевшими определенные связи с культурами Передней Азии и Карпато-Дунайского бассейна. Последний был тесно связан со степной Украиной, а Украина через причерноморские степи – с Кавказом. Возможно, эти связи устанавливались в результате межплеменной торговли, благодаря чему элементы кавказской бронзовой культуры проникали в гальштатскую культуру, распространенную в Центральной Европе в конце II - начале I тыс. до н. э. Одновременно в памятниках Центрального Кавказа с XII в. до н. э. появляются некоторые вещи дунайских типов. Все это, очевидно, свидетельствует о многообразных встречных контактах между Кавказом и Карпато-Дунайским регионом[20]. Характер этих контактов еще не вполне ясен.

Несомненно, существовало общение между создателями культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа Осетии и племенами Передней Азии. Посредником в нем выступало Закавказье, с давних времен тесно связанное с древним Востоком. Особо следует отметить связь бронзовой культуры Осетии с Луристаном (Западный Иран), имевшим, как и Центральный Кавказ, давние и богатые традиции бронзовой металлургии[21].

Экономической базой столь широких связей племен Центрального Кавказа со странами Передней Азии и Европы была бронзовая металлургия, обеспечивавшая как собственные их потребности, так и возможность обмена с соседними и отдаленными племенами. Благодаря прочным

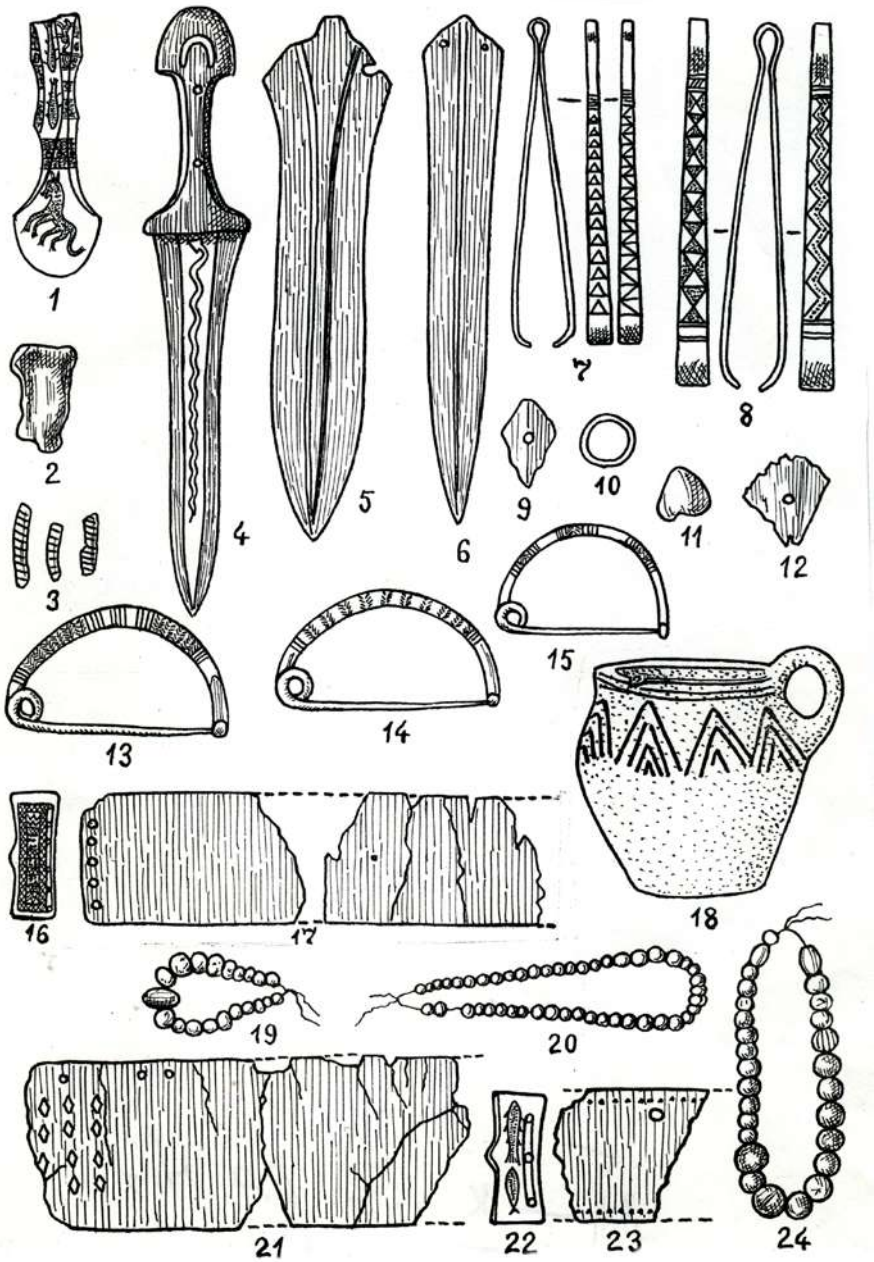
внешним связям был возможен обмен культурными достижениями и ценностями, что способствовало расцвету позднебронзовой культуры Центрального Кавказа, основа которой, однако, была вполне самобытной.

Несмотря на длительность изучения культуры поздней бронзы и раннего железа Осетии, далеко не все проблемы, связанные с ней, решены. К числу нерешенных прежде всего относится проблема языковой и этнической принадлежности носителей этой культуры. Наиболее вероятно, что создателями ее на северном и южном склонах Большого Кавказа были одни и те же этнические группы, говорившие, видимо, на отдельных наречиях одного языка индоевропейской семьи, имевшие одни и те же обычаи и создавшие одну материальную и духовную культуру, известную как кобано-тлийская[22].

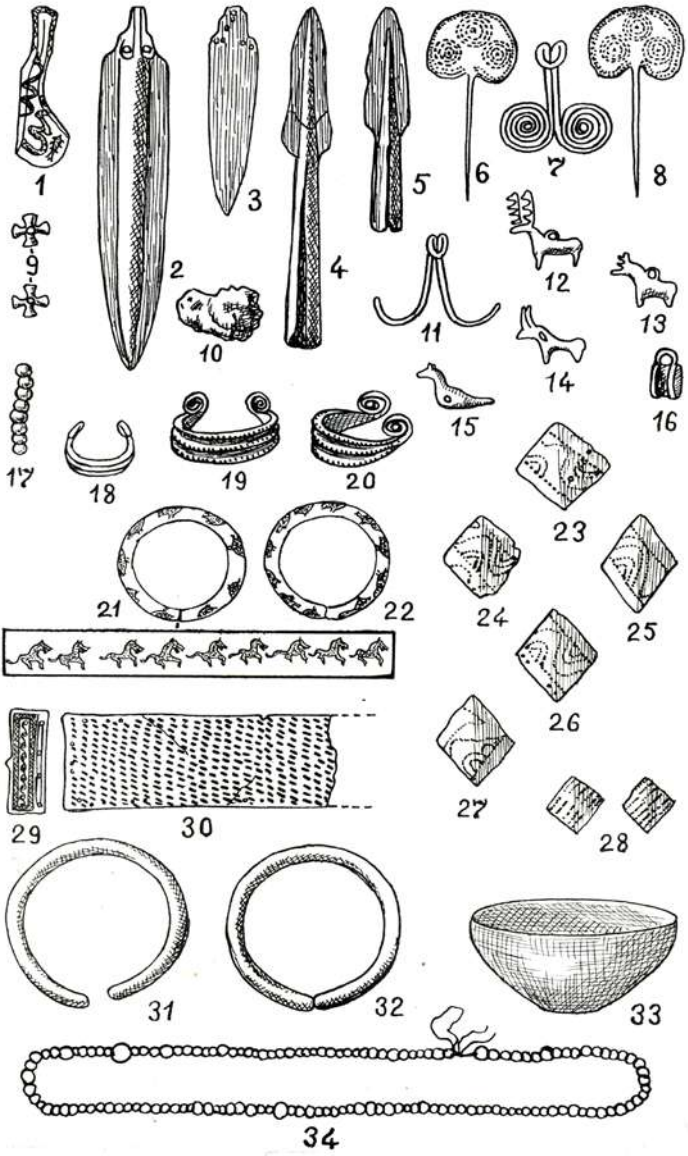
Кобано-тлийская культура, занимавшая обширную территорию на северном и южном склонах Кавказского хребта, не была однородной. Археологи выделяют в ней несколько локальных (местных) вариантов, отличающихся особенностями материальной культуры и погребального обряда. В каждом таком варианте можно усматривать племя или племенное объединение, что отражает этническую раздробленность носителей позднебронзовой культуры Центрального Кавказа. Многие культурные особенности объясняются различием естественно-географических условий в горах и на равнине. Дифференциация позднебронзовой культуры Центрального Кавказа на локальные группы вызывает научные споры, но можно отметить, что оправданным является ее членение на северокавказский и южнокавказский ареалы, а внутри северокавказского ареала выделение трех локальных групп памятников[23].

Скотоводство. Дореволюционные исследователи бронзовой культуры Осетии мало интересовались вопросами хозяйства рассматриваемой культуры. Лишь В. И. Добежев отметил, что оставившие Кобанский могильник племена были пастушескими[24]. В кавказоведческой литературе первой половины XX в. можно было встретить утверждение о том, что кавказские племена вели кочевую жизнь не только в степях, но и в предгорной зоне. Сложилось представление, что древние кобанцы и тлийцы почти не занимались земледелием и не владели крупным рогатым скотом, необходимым для пахоты. Однако изучение многочисленных бытовых и погребальных памятников позволило Е. И. Крупнову доказать оседлый характер быта древнего населения Северного Кавказа (в том числе Осетии) в I тыс. до н. э., причем не только в высокогорных и предгорных районах, но и на прилегающих к ним степных пространствах[25].

Племена, оставившие яркие памятники Осетии эпохи поздней бронзы и раннего железа, разводили в основном овец, ибо овечьи отары можно



Материалы эпохи поздней бронзы из Тлийского могильника:
1 – топор; 2 – слиток; 3 – спиральные пронизи; 4 – кинжал; 5, 6 – кинжальные клинки; 7, 8 – пинцеты; 9, 11, 12 – ромбовидные бляшки; 10 – проволочное колечко; 13–15 – дугообразные фабулы; 16, 22 – поясные пряжки; 17, 21, 23 – фрагменты поясов из листовой бронзы; 18 – глиняная кружка; 17 – бусы; 19, 20, 24 – бусы из сердолика.



Материалы эпохи поздней бронзы из Тлийского могильника:
1 – топор; 2, 3 – кинжальные клинки; 4, 5 – наконечники копий; 6, 8 – булавки; 7 – крючок; 9 – крестовидная привеска; 10 – слиток; 11 – крючок без спиральных завитков; 12–13 – статуэтки оленя; 14 – статуэтка быка; 15 – статуэтка птички; 16 – привеска в виде катушки; 17 – бронзовая пронизь; 18–20 – бронзовые браслеты с завернутыми в спираль концами; 21, 22, 31, 32 – ножные кольца-браслеты; 23–28 – ромбовидные бляшки; 29 – поясная пряжка; 30 – фрагмент пояса из листовой бронзы; 33 – бронзовая миска; 34 – бусы из сердолика.

было в зимнее время перегонять в прикаспийские степи с их умеренно теплым климатом и хорошим травостоем. Эта система скотоводства – яйлажная (отгонная) – возникла еще в эпоху бронзы и практикуется на Кавказе и сейчас. Отгонное скотоводство (вместе с металлургией) обеспечивало племенам прочную экономическую основу. Но вместе с тем они занимались и разведением крупного рогатого скота, в частности коров. В этой связи весьма показательными являются Гебский, Тлийский и Стырфазский могильники, давшие огромное количество материалов, характеризующих быт и хозяйственную деятельность древних племен с эпохи средней бронзы и до раннеантичного времени, и в частности – остеологический материал, свидетельствующий о разведении крупного рогатого скота населением Большого Кавказа. Это же подтверждают и бронзовые статуэтки низкорослой горской коровы, найденные в Кобани, Тли и других могильниках. Отгонным скотоводством были заняты отдельные члены многочисленной патриархальной семьи, тогда как бóльшая часть семьи оставалась дома. В зимнее время, когда отары находились в степях, необходимый прожиточный минимум мог дать только крупный рогатый скот, разведение которого связано с оседлым образом жизни[26].

На основании существующих археологических материалов достаточно достоверно выясняется, что ведущее место в скотоводстве горной зоны Осетии занимало разведение овец, в равнинно-предгорной зоне – крупного рогатого скота. В обеих зонах важную роль в хозяйстве играла лошадь, используемая и как тягловая сила, и для верховой езды (о чем свидетельствуют статуэтки всадников из Казбегского клада и др.).

Древние кобано-тлийцы, по-видимому, разводили также свиней, домашнюю птицу (гусей, цесарок) – на это указывают графические изображения этих животных и птиц на бронзовых поясах, а также их скульптурные фигурки.

Земледелие. Племена, создавшие культуру поздней бронзы и раннего железа Осетии, занимались и земледелием, которое превратилось в одну из важнейших отраслей хозяйства. В равнинных районах оно получило бóльшее развитие. В горах земледелие развивалось менее интенсивно в силу малоблагоприятных природных условий[27]. Наиболее вероятно развитие земледелия в ксерофитных горных долинах, хорошо освоенных уже во II тыс. до н. э. Земледельческая культура так глубоко укоренилась в быту кавказских народов, что они поклонялись божествам и святым, связанным с земледелием.

В памятниках поздней бронзы и раннего железа Осетии есть предметы, связанные с земледелием. Это прежде всего бронзовые мотыги и серпы, которые были распространены в основном в равнинных районах.

В горных районах эти орудия труда не получили широкого применения. При раскопках Змейского поселения был найден серп с прямым шипом. Бронзовые серпы были выявлены также в Галиатском могильнике «Фæсхъæу» и у горы Бык в Пятигорье. В Тлийском могильнике были обнаружены бронзовая мотыга с поломанной рабочей частью и кремневые вкладыши от составного серпа.

Из земледельческих культур население древней Осетии возделывало ячмень, пшеницу и просо. В горных районах ведущей культурой был ячмень. Сравнительно неприхотливый к почвенным и климатическим условиям, он не требовал особого ухода и, видимо, давал хороший урожай. Из ячменя приготавливали не только муку для выпечки хлеба, но и хмельной напиток[28].

Таким образом, основой экономики кобано-тлийского общества были скотоводство и пахотное земледелие, а достаточно развитое для своего времени хозяйство содействовало росту населения.

Охота и рыболовство. Наряду со скотоводством немалую роль в обеспечении населения мясной пищей играла охота. Об этом свидетельствуют в первую очередь кости диких животных, обнаруженные в древних кобанских и тлийских погребениях, поселениях и т. д. В Кобанском и Тлийском могильниках были выявлены зубы медведя, дикого кабана, основания оленьих рогов, кости птиц, диких коз и т. д. Достаточно серьезным подтверждением этого могут служить также изображения охотничьих сцен на бронзовых поясах, топорах и т. д.

Судя по частым находкам скульптурных изображений собаки, она была первой помощницей охотников того периода. В этой связи нельзя не отметить бронзовую булавку из Кобани, навершие которой изображает сцену охоты – нападение собак на оленя. Почти все скульптурные фигурки собаки изображают ее с разинутой пастью в позе нападения, что говорит об ее охотничьем назначении.

Племена Осетии в эпоху поздней бронзы и раннего железа занимались, вероятно, и рыболовством. Изображение форели – основной рыбы горных рек – является излюбленным мотивом на бронзовых предметах, в частности, на булавах и боевых топорах. Не исключено, что существовал культ рыбы, связанный с хтоническими представлениями. Пережитки культа рыбы засвидетельствованы этнографами в обычаях некоторых народов Северного Кавказа и Закавказья[29].

Металлургия и металлообработка. Широкий ассортимент металлических изделий, выявленных в Осетии, свидетельствует о том, что Центральный Кавказ в рассматриваемое время был одним из крупных очагов металлопроизводства. Поэтому еще в XIX в. некоторые зарубежные ар-

хеологи отмечали ведущую роль Кавказа в развитии европейской бронзовой культуры[30].

Следы древних выработок меди зафиксированы как на северном склоне Главного Кавказского хребта (Баксанское и Чегемское ущелья в Кабардино-Балкарии, бассейны Ардона и Фиагдона, верховья Терека в Северной Осетии, Джерахское ущелье в Ингушетии), так и на южном. Древние рудные разработки представлены также шахтами в Тырнаузе и Эльбрусском районе, в с. Хабаз, вблизи с. Верхняя Малка, в Дигории и т. д. Вертикальные шахты и горизонтальные штольни свидетельствуют о достаточно высоком для той эпохи техническом уровне горного дела. Этим объясняется то обстоятельство, что на данной территории (как на южном, так и на северном склоне) обнаружены наиболее многочисленные серии бронзовых изделий, в то время как западнее Эльбруса и восточнее Верхнего Терека такие находки встречаются значительно реже[31].

В памятниках Осетии эпохи поздней бронзы и раннего железа материалов, имеющих непосредственное отношение к металлургии бронзы, немного. Отметим литейную форму из Зилги, литейные формы для булавы, топора и кинжала из собрания В. И. Долбежева, каменную литейную форму для копья из могильника «Верхняя Рутха», круглые и овальные формочки для отливки украшений из поселения в окрестностях с. Бамут и др. В Тли большинство захоронений содержало небольшие бронзовые слитки, что, безусловно, свидетельствует о местном производстве бронзовых изделий.

Это подтверждают также результаты химических исследований серии тлийских и кобанских бронз. Как показал химический анализ изделий из бронзы, найденных на южном склоне Главного Кавказского хребта, для их изготовления уже в середине II тыс. до н. э., помимо мышьяковистой меди и сурьмяно-мышьяковистой бронзы, применялась и оловянистая бронза. Можно предполагать, что в некоторых районах, как, например, в Тли, олово было более доступно, и поэтому мышьяковистую медь без специальных добавлений применяли редко. Анализ тлийских материалов показывает, что древние мастера отливали металлические изделия из сплава с большим содержанием олова. То же самое отмечалось неоднократно в отношении Кобанского могильника. Следовательно, материалы этих двух эталонных памятников одной культуры сходны не только типологически и стилистически, но и по составу сплава[32].

Со второй половины II тыс. до н. э. кавказская бронза становится эквивалентом в межплеменном обмене. В это время в обращении находятся массивные бронзовые кольца разного веса, указывающего на различную их меновую стоимость[33]. У населения Большого Кавказа предме-

тами обмена служили также и бронзовые кинжалы, наконечники копий, металлическая посуда, слитки и т. д.

Многочисленные археологические находки показывают, что в горной и предгорной полосах Осетии, как и на всем Кавказе, существовало местное металлодобывающее производство[34] и что здесь в конце II тыс. до н. э. началась разработка местных сульфидных полиметаллических руд[35]. Ценные материалы, свидетельствующие о древней металлургии края, были выявлены при раскопках поселения Сержень-Юрт. В одной из мастерских обнаружены обломки медеплавильных тиглей, литейная форма для производства наконечников стрел, глиняные льячки, полуфабрикаты бронзового ножа, шила, наконечники стрел. Отходы плавки в виде бесформенных застывших кусков и капель бронзы, а также обломки девяти медеплавильных тиглей были найдены за пределами мастерской[36]. При исследовании Змейского поселения X–VIII вв. до н. э. были обнаружены ступы, служившие для дробления руды, а также глиняные сопла, тигли и льячки, свидетельствующие о местном литейном производстве. Плавка руды производилась в печах с применением угля и дутья (сыродутный способ). Особое значение имела техника литья с утратой формы из воска и глины. Отлитые изделия подправлялись и дополнительно обрабатывались.

Появилась впервые техника инкрустации – украшение вещей вставками из камня, кости, дерева и – иногда – очень редкого тогда железа, еще только начинавшего входить в употребление.

В эпоху поздней бронзы и раннего железа произошло важнейшее событие в развитии производственных сил – на смену цветным металлам пришло железо. И хотя железные предметы (прежде всего оружие) стали широко распространяться в позднебронзовой культуре Осетии лишь с IX–VII вв. до н. э., открытие и освоение более твердого металла обеспечило подлинную революцию в производстве орудий труда и оружия, явилось событием огромного исторического значения, надолго определившим пути дальнейшего совершенствования орудий производства. Как отмечал Ф. Энгельс, железо «дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»[37]. Мастерские, свидетельствующие о развитой металлообработке, обнаружены также на горе Алмалы-Кая на р. Баксан, в ущелье р. Псыган-Су близ с. Жемтала и др.

Красноречивым свидетельством являются и многочисленные клады мастеров-литейщиков, выявленные во многих районах Кавказа, главным образом на территории бытования культуры поздней бронзы и раннего железа. В этой связи особенно следует отметить Жемталинский клад в

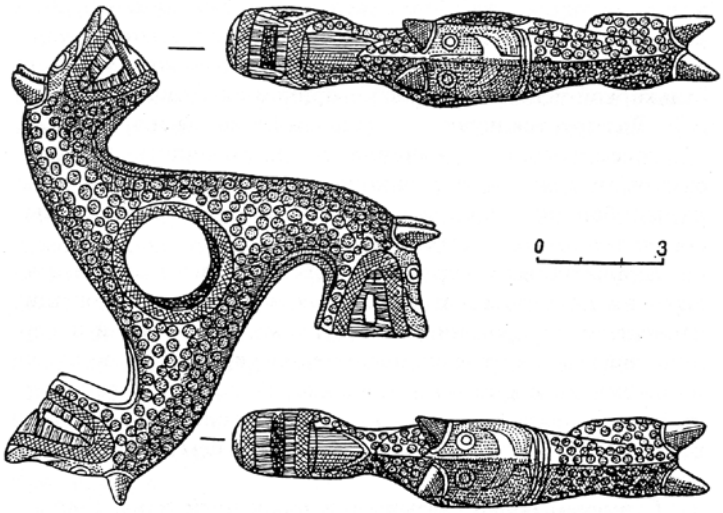
Кабардино-Балкарии, Цхинвальский клад и Цоисскую коллекцию на южном склоне Большого Кавказа. Можно предположить, что металлургией и металлообработкой занимались специалисты-профессионалы.

Первобытные верования. Многие бронзовые фигурки животных, выявленные в памятниках поздней бронзы и раннего железа Осетии, имеют, видимо, не только декоративное значение, но могут быть связаны с производственно-магическими и тотемистическими представлениями. О культе лошади у древних кобанцев и тлийцев свидетельствуют литые бронзовые фигурки этого животного, обнаруженные в погребениях. Судя по многочисленным археологическим материалам, культ лошади был широко распространен на Кавказе и связан с культом солнца. Кроме того, имел распространение и обряд принесения лошади в жертву наряду с другими животными.

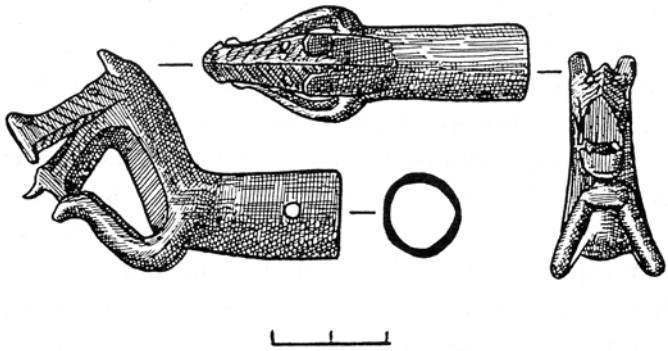
Скульптурные изображения барана и его головы зафиксированы во многих памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа Осетии, но в основном они наличествуют в материалах Кобанского и Тлийского могильников. Некоторые бронзовые кинжалы из Кобанского могильника имеют ручки, украшенные головами барана или фигурками хищника, держащего в пасти барана с двумя головами, направленными в противоположные стороны. Эта пластика, по всей вероятности, связана с культовым значением барана. Могли они быть и оберегами, так как баран входил в число тех животных, изображениям которых издревле приписывалась способность охранять человека от злых духов.

Традиция изображения бараньей головы на художественных изделиях осетин сохранилась до конца XIX в. Так, например, подобными изображениями украшались отдельные места надочажной цепи и металлические подсвечники в XVIII–XIX вв. С пережитком культа барана, видимо, связаны встречаемые в святилищах и жилых домах осетин бараньи рога, которые прибивались к стене или к столбу веранды, а также элементы национального орнамента в виде бараньих рогов (например, в ковровых аппликациях).

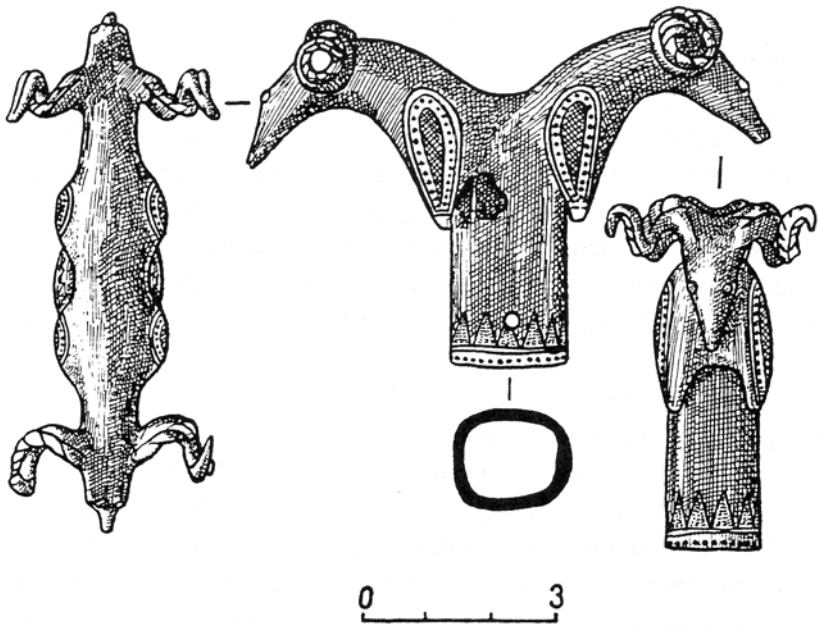
Тотемными были олень и другие животные, что получило отражение в кобано-тлийском изобразительном искусстве. Особое место в нем занимало изображение змеи, что скорее всего объясняется культом змеи, существовавшим на Кавказе с древних времен. Изображения собаковидного существа, рыбы и змеи являются одними из излюбленных рисунков на тлийских и кобанских бронзах. Эти три существа нередко изображены вместе и, по-видимому, связаны между собой мифологически. Но чаще всего на кобанском и тлийском металле встречается изображение собаки, которая явно играла видную роль в жизни создавших позднебронзовую



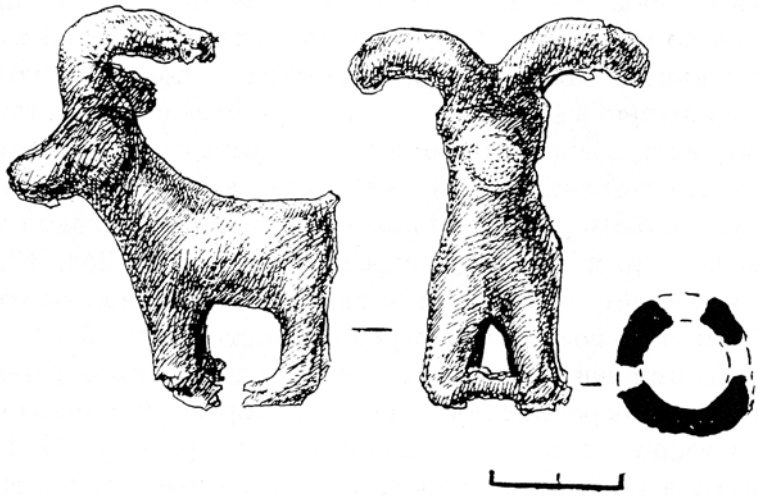
Бронзовое навершие из тлийского погребения № 254.



Бронзовое навершие посоха из тлийского погребения № 217.



Бронзовое навершие из тлийского погребения № 41.



Навершие от посоха из тлийского погребения № 143 (сурьма?).

культуру племен, занимавшихся охотой и овцеводством. Традиция изображения собаки сохранялась и в более позднее время.

Тотемистические воззрения создателей культуры поздней бронзы и раннего железа оставили четкий след в фольклоре осетин.

Общественное устройство. Археологические памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа Осетии позволяют судить о социальном развитии тогдашнего общества. На раннем этапе интересующей нас культуры господствует патриархально-родовой строй, что подтверждается отсутствием признаков имущественной дифференциации в погребальных комплексах этого периода – для них характерно «обилие бронзовых вещей, абсолютно одинаковое во всех могилах»[38]. В VI–IV вв. до н. э. положение существенно изменилось. Стали встречаться захоронения, содержащие лишь несколько бронзовых или железных вещей или только керамику. Это – захоронения бедняков. В Луговом могильнике VI–V вв. до н. э. в Ингушетии отмечены целые кварталы богатых и бедных захоронений. То же самое фиксировалось при исследовании тлийских погребений того же периода. На фоне этой дифференциации и начавшегося распада патриархально-родовых отношений начинает выделяться малая семья – средоточие зарождающейся частной собственности на скот и землю. Это в свою очередь постепенно и исподволь, но неизбежно влекло за собой возникновение родоплеменной аристократии. Одновременно должны были выделяться более богатые и сильные роды и менее богатые и слабые, им подчинявшиеся. Характерно, что этим периодом датируется появление бронзовой булавы – символа власти. Родовая и племенная верхушка экономически и социально обособляется. Выделяются племенные вожди – воины, которые постепенно захватывают в свои руки основные источники и избыток получаемых продуктов.

Во главе родовых общин стояли наиболее опытные старейшины. Авторитет таких родовых старейшин, судя по этнографическим данным, был очень высок. Столь же значительную общественную роль могли играть и военные вожди: межродовые и межплеменные стычки и конфликты были неизбежны и происходили достаточно часто. Некоторые ученые допускают существование у центральнокавказских племен военных дружин с военачальником во главе и связывают с этим большое количество бронзового и железного оружия в захоронениях мужчин.

Значение культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа Осетии состоит в том, что ее носители на позднем этапе явились субстратной основой, на которой формировались последующие культуры предков ряда народов Центрального Кавказа, в том числе осетин.

Осетинский народ – потомок создателей этой культуры, наследник, преемник и продолжатель их духовно-культурной и языковой традиции. Предки осетин – аланы, обосновавшись на Центральном Кавказе, слились с родственными по языку и культурной традиции племенами древних индоиранцев, оставшихся здесь после переселения основной их массы в Переднюю Азию через территорию Закавказья и живших на Центральном Кавказе в течение многих веков. И лишь по этой причине могло произойти скорое и естественное слияние двух этнических массивов – они, эти племена, были ираноязычными; этническое, культурное и языковое родство способствовало их быстрой этнической «адаптации», их слиянию в один этнос. Лишь этим объясняется тот факт, что осетинский народ является носителем индоевропейской языковой традиции, ее иранской ветви на Кавказе[39].

Осетинский народ не утратил своих генетических связей не только с иранской группой, но и с индоевропейской семьей языков, о чем свидетельствует исследование лексики осетинского языка в сравнительно-историческом плане. Характеризуя происхождение лексического фонда осетинского языка, В. И. Абаев считает каждое слово историческим документом, служившим для него источником либо для решения этногенеза, либо для доказательства их сношений с другими народами[40].

Осетинский язык потому остался иранским, что здесь, на Центральном Кавказе, индоевропейская языковая традиция жила и развивалась, обогащалась и видоизменялась по своим внутренним законам на протяжении тысячелетий непрерывно, из поколения в поколение, сохранившись вплоть до наших дней и сохранив неоглядную историческую перспективу развития и функционирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

[1] Гвоздецкий Н. А. Физическая география Кавказа. М., 1954. С. 124.

[2] Техов Б. В. Кобано-тлийская археологическая культура // Донская археология. Ростов-на-Дону. 1999. № 3–4. С. 7.

[3] Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002. С. 482.

[4] Крупнов Е. И. Происхождение осетинского народа по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 27.

[5] Техов Б. В. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988 (рис. 123–140).

[6] Техов Б. В. Кобано-тлийское графическое искусство (по бронзовым поясам из Тли). Владикавказ-Цхинвал, 2001.

[7] Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006. С. 275 (рис. 27). С. 403 (рис. 5 и 6).

[8] «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Т. I. Орджоникидзе, 1961. С. 18–26.

[9] Козенкова В. И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.

[10] Техов Б. В. Отчет о раскопках в Зарамаге. Рукопись. Хранится в фондах археологического отдела Объединенного музея РСО-Алания.

[11] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 109.

[12] Техов Б. В. Тайны древних погребений. С. 7; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. С. 108.

[13] Техов Б. В. Кобано-тлийское графическое искусство. С. 230, 232–249.

[14] Там же. С. 62.

[15] Там же. С. 86–89.

[16] Там же. С. 53, 229.

[17] Там же. С. 116, 265 (табл. 63).

[18] Там же. С. 12.

[19] Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. С. 190.

[20] Там же. С. 191.

[21] Там же.

[22] Техов Б. В. Кобано-тлийская археологическая культура. С. 12.

[23] Техов Б. В. Центральный Кавказ... С. 192.

[24] Там же. С. 195.

[25] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. С. 305.

[26] Техов Б. В. Центральный Кавказ... С. 195.

[27] Там же. С. 202–203.

[28] Там же. С. 204.

[29] Робакидзе А. И. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы // СЭ. 1948. № 3. С. 120–127; Техов Б. В. Центральный Кавказ... С. 206–207.

[30] Техов Б. В. Центральный Кавказ... С. 197.

[31] Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. Вып. 120. М.;Л., 1935; Техов Б. В. Центральный Кавказ... С. 198.

[32] Техов Б. В. Центральный Кавказ... С. 220.

[33] Кушнарева К. Х. Обмен и торговля в Закавказье в древности // КСИА. Вып. 138. М., 1973. С. 37.

[34] Иессен А. А. Указ. соч. С. 137.

[35] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. С. 343; Черных Е. Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // Археология и естественные науки. М., 1965; он же. К химической характеристике Ингульского клада // СА. 1966. № 1. С. 143.

[36] Козенкова В. И. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т. II. Грозный, 1968. С. 11–12.

[37] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1962, Т. 21. С. 163.

[38] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. С. 333.

[39] Техов Б. В. Тайны древних погребений. С. 477–479.

[40] Калоев Б. А. В. И. Абаев и вопросы этнографии в его трудах. М., 2001. С. 41.